

А. Мухоморов

Виталий Каплан

«ОТЦЫ И ДЕТИ»:

чего я зря не замечал в романе,
когда читал его в школе

Недавно перечитал «Отцы и дети» Тургенева, их изучают в десятом классе. Естественно, сейчас, на шестом десятке, я увидел в этом романе совсем не то, что видел в шестнадцать лет, и уж тем более не то, чему меня в шестнадцать лет учили в школе.

Некоторыми мыслями мне хочется поделиться — причем как с подростками, которые проходят «Отцов и детей», так и со взрослыми людьми, которые, отталкиваясь от тургеневского романа, могут задуматься о вещах важных, не устаревающих.

На всякий случай — предупреждаю: я не претендую подменить своей статьей школьную программу по литературе. Собственно литературоведческие моменты, художественные особенности, вписанность «Отцов и детей» в тургеневское творчество, в историко-литературный контекст той эпохи и так далее — всего этого я касаться не буду. Для меня сейчас «Отцы и дети» не более чем повод поговорить о некоторых значимых мировоззренческих темах.

Нигилизм и нигилисты

Базаров (как и его младший приятель Кирсанов) именуют себя «нигилистами», от латинского nihil, то есть ничто. Вот как они формулируют суть своих убеждений: «Нигилист — это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип».

Звучит весьма соблазнительно, особенно для молодежи, потому что здесь работает понятный психологический механизм: взрослея, человек дистанцируется от родителей не только социально, но и эмоционально. Это отчуждение (как правило, временное) слу-

жит защитным механизмом психики, смягчает разрыв с родительской семьей. Некоторые ученые полагают, что это работает еще с древнейших, доисторических времен. Но поскольку человек — это все же не обезьяна, то такое эмоциональное отчуждение обязательно должно быть как-то осмыслено, получить какое-то рациональное обоснование. Отсюда и отрицание авторитетов и принципов, поскольку это *взрослые* авторитеты и *взрослые* принципы.

Именно этот психологический механизм работает у Евгения Базарова и особенно у совсем еще мальчика Аркадия Кирсанова. Из текста видим, что молодым нигилистам постоянно хочется эпатировать старшее поколение, «троллить», как сейчас бы

Спор Павла
Кирсанова
с Базаровым

сказали. Во времена моей молодости Базарова могли бы назвать «интеллектуальным панком» — хаер не дыбом, грязь кусками не отваливается, а эффект тот же самый.

И разумеется, такое свойственно любой эпохе, в том числе и нашей. Молодежь отвергает мнения старших не только по мировоззренческим, но и по психологическим причинам. Если это обстоятельство учитывать, то пресловутый конфликт «отцов» и «детей» можно если и не разрешить, то существенно снизить его градус.

Но о нигилизме можно поговорить и по существу, уже безотносительно личностных особенностей нигилистов. Есть ли в самой идее некая правда? Безусловно, есть. Слепое, нерассуждающее принятие любых авторитетов, согласие с любыми устоявшимися мнениями убивает мышление. На выходе получаем или фанатика со взором горящим, или приспособленца вроде грибоедовского Молчалина.

В чем неправда нигилизма? В абсолютизации этого отрицания авторитетов. Потому

что человеческое мышление так устроено, что должно от чего-то отталкиваться. Как математик по образованию, скажу, что любая математическая теория строится на двух вещах: во-первых, это аксиомы (утверждения, принимаемые за основу, без доказательств), а во-вторых, так называемые «правила вывода», то есть способы работы с этими аксиомами. И это в математике, которая у всех ассоциируется с необходимостью доказывать всё и вся. Тем более это касается всего остального, где такая строгость рассуждений не требуется.

На первый взгляд, нигилизм может казаться похожим на научное мышление. Оно ведь тоже основано на том, что ничего не принимается слепо на веру, любое утверждение должно быть обосновано. Наука — это ведь не только совокупность конкретных знаний, но и методология, то есть способы добывания знаний. И основной способ, во всяком случае в естественных науках, называется «верификацией», то есть проверкой. Ученый поставил какой-то эксперимент и получил новые результаты? И что дальше? Безоговорочно верим ему, ведь он академик? Да ничего подобного! Проводим этот же эксперимент в других лабораториях, сравниваем результаты, и только если они многократно подтвердятся, заносим новое знание в нашу копилку.

Тем не менее научное познание все-таки основано на принципах, не поддающихся сомнению. Например, на убежденности, что мир принципиально познаваем человеческим разумом, что мир действительно существует, а не является иллюзией, сном. Принцип верификации результатов — это ведь тоже принцип, а есть и сформулированный уже в XX веке принцип фальсификации (в двух словах: если научная теория так построена, что в ее рамках можно обосновать вообще абсолютно всё, то это что угодно, но не научная теория).

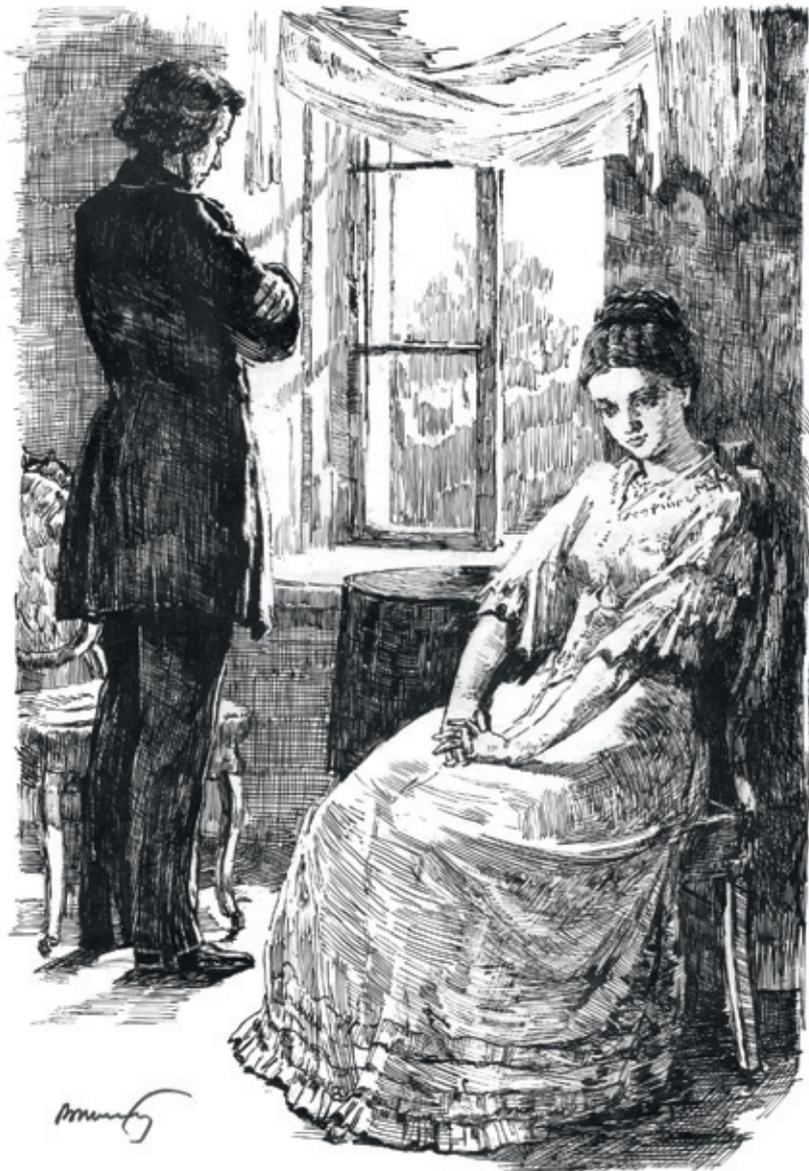
Нигилизм, таким образом, науку бы уничтожил. Сомневаться во всём значило бы, что мысль ученого буксует на месте. Не приняв что-то как установленный факт, невозможно двигаться дальше. А чтобы принять это что-то за установленный факт, нужно быть уверенным в тех инструментах, с помощью которых этот факт установлен.

В науке отрицается не всё на свете вообще, а только избыточные ограничения мысли, отрицаются человеческие мнения, не подкрепленные доказательствами. Хрестоматийный пример: где-то у Аристотеля говорилось, что у насекомых восемь ножек, и веками это принималось на веру, поскольку авторитет Аристотеля был огромен. Пока кому-то не пришло в голову поймать кузнечика или муху и посчитать ножки. Вот такую слепую веру наука отвергает.

Кстати, возвращаясь все же к роману, замечу, что главный нигилист Базаров вовсе не претендует уравнивать свое мировоззрение с научным: «Я уже доложил вам, что ни во

Приезд
Базарова
домой

Объяснение
Базарова
с Анной
Одинцовой

что не верю; и что такое наука — наука вообще? Есть науки, как есть ремесла, знания, а наука вообще не существует вовсе».

Революционер?

Во времена моей школьной юности нам говорили, что в образе Базарова Тургенев описал грядущего человека-революционера. Мол, нигилизм — это подготовка к решительному политическому переустройству общества, и Базаров — предтеча такого переустройства.

Надо сказать, что некоторые намеки на это в тексте романа действительно есть.

«— Однако позвольте, — заговорил Николай Петрович. — Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить.

— Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить».

Расчистить место — для чего? Для революционного переустройства? «Исправьте общество, и болезней не будет», — говорит он Одинцовой. Ранее, на вопрос Павла Петровича, собирается ли Базаров действо-

вать, тот загадочно молчит, лишь убеждая своего оппонента, что действовать он и его единомышленники действительно собираются. А вот уже свидетельство посерьезнее. Базаров говорит Аркадию: «Ты, брат, глуп еще, я вижу. Ситниковы нам необходимы. Мне, пойми ты это, мне нужны подобные олухи. Не богам же, в самом деле, горшки обжигать!..» Тут явно намек на какую-то замышляемую движуху, причем действовать Базаров предполагает не своими руками, а с помощью полезных идиотов, оболваненных простаков, пушечного мяса. Современным молодым людям тут есть о чем задуматься. Как, кстати, задумался и Аркадий Кирсанов: «Мы, стало быть, с тобой боги? то есть — ты бог, а олух уж не я ли?» И тут еще уместно вспомнить слова Кати, сказанные Аркадию про Базарова: «Он хищный, а мы с вами ручные». И наконец, прощаясь с Кирсановым, Базаров говорит уже открыто: «В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор. Для нашего дела это не годится. Ваш брат дворянин дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может, а это пустяки. Вы, например, не деретесь — и уж воображаете себя молодцами, — а мы **драться хотим**. Да что! Наша пыль тебе глаза выест, наша грязь тебя замарает, да ты и не дорос до нас, ты невольно любишь себя, тебе приятно самого себя бранить, а нам это скучно — нам других подавай! **Нам других ломать надо!**»

Тем не менее, по-моему, никакой Базаров не потенциальный революционер, и прав его вечный идейный оппонент Павел Петрович, сказавший ему «Не так же ли вы болтаете, как и все?» Базаров, конечно, вскинулся, что нет, «чем другим, а этим грехом не грешны», но я что-то ему не верю.

Не верю прежде всего потому, что у любого революционера, действующего ли, потенциального ли, должна быть серьезная мотивация. Чтобы «рушить до основания, а затем», нужно очень сильно этого «затем» хотеть, нужен некий положительный идеал, которого с помощью революции предполагается достичь. И вот тут, если внимательно посмотреть на Базарова, увидим, что никакого такого идеала у него нет. Людей он не очень любит, страдания простого народа его не особо напрягают, ужасы крепостничества не отвращают: «Черт меня дернул сегодня подразнить отца: он на днях велел высечь одного своего оброчного мужика — и очень хорошо сделал. Да, да, не гляди на меня с таким ужасом, — очень хорошо сделал, потому что вор и пьяница он страшнейший...» Безотносительно оценки этой экзекуции — может ли человек с такими взглядами мечтать о ниспровержении крепостного права?

Да, бывает и так, что человека в революцию тянет просто потому, что тянет подраться, без всяких высоких целей. Раззудись, ➤

Базаров за работой

плечо, размахнись, рука... Но и этого в Базарове нет, он циничен, но не особо агрессивен. Тогда зачем ему это самое «наше дело»?

Словом, перед нами — фейковый революционер. Болтун, который реально ничего не замышляет, а только любит побазарить. Таких пламенных революционеров сейчас пол-фейсбука...

Он настоящий?

Рискну выдвинуть гипотезу: Базаров вообще не самый типичный представитель нигилизма, хотя, со слов самого Тургенева, у него и были реальные прототипы — врачи Дмитриев и Якушкин, да и в своих рабочих материалах к роману Тургенев проводит параллели и с более известными людьми, например Николаем Добролюбовым.

Однако большинство реальных нигилистов той эпохи были совсем другими. Как правило, это были пылкие молодые люди, мечтающие о «счастье для всех, даром, и чтобы никто не ушел обиженным», наивные идеалисты, которые впоследствии либо ожесточились и стали реальными революци-

онерами-террористами (нечаевцы, народо-вольцы), либо повзрослели и начали цинично выстраивать свои карьеры и состояния. Вирус нигилизма в них мутировал, они действительно отринули «принципы», то есть общественную мораль, заповеди религии, но, не особо афишируя свою беспринципность, стали действовать с умом — и превратились в новую политическую элиту. Такое превращение, кстати, блестяще показал Николай Лесков в романе «На ножах». Не все, конечно (взять того же Добролюбова), но многие. И если вновь проводить параллели с современностью — мы легко увидим тех акул бизнеса и политики, которые на рубеже 80–90-х годов XX века были демократически настроенными юношами со взорами горящими.

Если моя догадка верна, то как объяснить непохожесть Базарова на реальных нигилистов? Может быть, Тургенев их вообще не слишком знал, не особо соприкасался с их кругом? Но эпизодические фигуры Ситникова и Кукшиной, либералов местного разлива, показаны вполне по-лесковски. Да и Аркадий Кирсанов, тоже позиционировавший себя нигилистом, в общем, выглядит вполне жизненно.

А может, Тургеневу интереснее был даже не сам этот искусственно сконструированный им Базаров, а реакции других героев на него? И тогда Базаров — лакмусовая бумажка, способ раскрыть такие реально значимые для Тургенева человеческие типы, как старшие Кирсановы, как Одинцова, наконец, как родители Базарова?

Признаюсь, у меня нет ответа. Я не настолько хорошо знаком с жизнью и творчеством Тургенева. Об этом лучше узнать у специалистов, но на гипотезу-то я право имею?

Про «глубинный народ»

Это выражение, «глубинный народ» — из фантастического романа Дмитрия Быкова «ЖД». Глубинный народ — это население, автохтоны, занятые своей жизнью, а не решением мировых проблем, которыми озабочена интеллектуальная элита — как условно глобалистская, так и условно патристическая.

Так вот, в «Отцах и детях» поставлена (и не решена) действительно очень важная проблема: а способны ли разные сословия (страты, тусовки и так далее) понимать друг друга, способны ли они вообще говорить на одном языке? Применительно к эпохе «Отцов и детей» это дворяне и крестьяне, применительно к нашим реалиям — это условные хипстеры и условные гопники. Поскольку и те, и другие составляют народ, то без взаимопонимания между ними, без разумных компромиссов народ обречен тратить свои силы впустую. Но возможно ли такое взаимопонимание?

Вот Базаров. Он в разговоре с Аркадием упрекает его отца, Николая Петровича Кирсанова, что тот не понимает русского мужика: «И добрые мужички надуют твоего отца всенепременно. Знаешь поговорку: “Русский мужик бога слопаёт”». При этом сам Базаров, казалось бы, мужика понимает и видит насквозь, об этом нам сообщает автор: «Слуги также привязались к нему, хотя он над ними подтрунивал: они чувствовали, что он все-таки свой брат, не барин». В чем выражается это понимание? В том, что дворовые мальчишки охотно помогают ему ловить лягушек для опытов, в том, что на него засматривается горничная Дуняша.

Но вот Базаров пытается развести крепостного своего отца на спор о судьбах России. И... «Увы! презрительно пожимавший плечом, умевший говорить с мужиками Базаров (как хвалился он в споре с Павлом Петровичем), этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового».

Так что же? Взаимопонимание невозможно? Мне кажется, ошибка (если не сказать, глупость) Базарова в том, что он, вступая в общение с людьми, игнорирует контекст, игнорирует социальную, культурную разницу между ними. Вот он пристаёт к крепостно-

му своего отца и требует от него ответа на вопрос: «Ну, — говорил он ему, — излагай мне свои воззрения на жизнь, братец: ведь в вас, говорят, вся сила и будущность России, от вас начнется новая эпоха в истории, — вы нам дадите и язык настоящий, и законы». А для мужика эти понятия — «эпоха», «история», «будущность» — чужие, малопонятные, барские. Кроме того, мужик приучен многовековым коллективным опытом, что всерьез говорить с барином нельзя, что барину нужно льстить и потакать: «...известно, господская воля, потому вы наши отцы. А чем строже барин взыщет, тем милее мужику...» Ну вот как можно всерьез говорить с человеком, чьему отцу ты принадлежишь как вещь и который в свое время унаследует тебя? Который в любой момент может выдрать тебя на конюшне? Если уж гиперболизировать, это все равно что в нацистском концлагере эсэ-совец-эстет зайдет в барак и заведет с заключенными разговор о поэзии и философии.

Умница Базаров этого, конечно, не понимает. А не понимает, кстати, потому, что он по-своему аристократичен. Аристократизм его выражается в том, что он автоматически ставит себя выше мужика, заставляет того подстраиваться под свою систему понятий, навязывает ему свой, как сказали бы философы, дискурс. Чем этот формат аристократизма лучше того, что защищает Павел Петрович Кирсанов?

А ведь взаимопонимание возможно — что доказывают такие фигуры в отечественной истории и литературе, как Николай Лесков, Владимир Короленко, Владимир Гиляровский. Для этого всего лишь надо не гнуть пальцы, не смотреть на простой народ свысока, равно как и не обожествлять его (намека на Платона Каратаева из «Войны и мира» Льва Толстого). Надо знать его проблемы, надо видеть его недостатки, надо учиться выделять из социального общечеловеческое. Но это трудно и долго.

В нашем современном российском обществе — равна та же проблема. Одна часть общества обзывает другую «ватниками» и «анчусами», другая обзывает первую «пятой колонной» и «либерастами», и ни та, ни другая не хочет видеть в социально и культурно чуждых им людях именно что людей, имеющих тот же образ Божий, что и в тебе.

Конфликт «отцов» и «детей»

В школьной программе, во всяком случае, в мое время, на этот конфликт делался основной упор. Предполагалось, что «дети» прогрессивнее «отцов», что «отцы» застряли в прошлой эпохе и не способны осмыслить новое время...

Что тут сказать? Ну да, есть такой конфликт, и вещь это совершенно естественная — причем не только по тем психологическим причинам, о которых я уже писал. Другая причина — социальная: жизнь все-таки

Одинцова у постели умирающего Базарова

меняется, и каждое новое поколение формируется в несколько иных условиях, нежели прежде. Поэтому «отцы» плохо понимают мышление «детей» (а к тому же еще и плохо помнят, какими сами были в молодости), «дети» же, в силу юношеского максимализма и нехватки жизненного опыта, плохо понимают мышление «отцов». Так было и до середины XIX века, и после, и сейчас есть, и всегда будет, куда существует человечество.

Но вполне возможно, Тургенев был тут первооткрывателем. Во всяком случае, в русской литературе. И мало того, что он описал проблему, — он еще и показал два неправильных решения этого конфликта со стороны «отцов».

Первое, самое лобовое решение — это, подобно Павлу Петровичу Кирсанову, ругать молодежь за то, что испортилась, за то, что не дотягивает до принципов старшего поколения. Второе, подобно отцу Базарова, Василию Ивановичу, лебезить перед «сыновьями», подстраиваться под них, изменять своим принципам. Глупо смотрится Павел Петрович, жалко смотрится Василий Иванович.

Кстати, острота этого конфликта во времена Тургенева была куда меньшей, чем сейчас, потому что сейчас жизнь меняется гораздо быстрее. Меняется экономическая структура, меняется политическая система, меняется как массовая, так и элитарная культура, меняется наука — причем все это на протяжении жизни одного поколения. Нынешние «дети» гораздо сильнее отличаются от своих «отцов», чем, скажем, тридцать лет назад. Глядя из сегодняшнего дня, 20-е годы XIX века (юность старших Кирсановых) практически ничем не отличаются от 50-х годов (юность Базарова и Кирсанова-младшего).

Но конфликт поколений — это вовсе не обязательно конфликт идей. Идеиные конфликты в том же XIX веке как раз происходили в среде одного и того же поколения (прежде всего, это противостояние западников и славянофилов — людей примерно одного и того же возраста, социального круга, образования). Возрастной конфликт может маскироваться под идейный, но причина такой маскировки — как правило, чисто психологическая.

Лирическая линия

За всеми этими разговорами как-то затерялось, что «Отцы и дети» — это, помимо всего прочего, еще и роман о любви. Кирсанов-старший любит Фенечку, но боится вступить в брак, поскольку это в глазах брата может выглядеть предосудительно. Брат, Павел Петрович, тоже любит Фенечку, но боится это показать, поскольку это в его собственных глазах выглядит предосудительно. Базаров влюбляется в Одинцову, но долго боится в этом признаться, поскольку слишком горд для этого. Одинцова тоже любит Базарова, но боится принять его любовь, так как слишком дорожит спокойствием, а с этим человеком о спокойной жизни можно лишь мечтать.

Кирсанов-младший сперва влюбляется в Одинцову, потом в ее сестру Катю.

Наверное, старшекласнику эти любовные узлы интереснее, чем мне. На мой взгляд, все это очень, очень обыденно, универсально. Зачем оно нужно было Тургеневу? Может, из соображений приличия? Ну какой же роман, в самом деле, без этого? А может, весь этот любовный многоугольник подгонялся к тому, чтобы показать: Базаров живой человек и ничто человеческое ему не чуждо. Он страдает, он стесняется, он ревнует, он тоскует. Добавляет ли это что-то к его образу? По-моему, только то, что как он ни пыжится изобразить из себя железного человека, рыцаря без страха и упрека, а не дотягивает. И слава Богу, что не дотягивает. Иначе выглядел бы каким-то Чужим или Хищником.

Лопух на могиле

Честно признаюсь: на мой взгляд, в художественном отношении «Отцы и дети» не самое сильное произведение Тургенева. Слишком уж много тут публицистики. Тем не менее ближе к финалу романа художественная составляющая усиливается. Я имею в виду возвращение Базарова в родительский дом и смерть от заражения крови. Эмоциональный накал тут мощный, и мне очень жалко не самого Базарова, а его родителей. Их вообще на протяжении всего текста жалко, потому что они безумно любят сына и потому что он не способен воспринять их любовь и ответить на нее. Назвать его «чёрствым» — это ничего не сказать. Когда я перечитывал гоголевского «Тараса Бульбу», меня сильно зацепило отношение Тараса и его сыновей к жене и, соответственно, маме. Но там это хотя бы можно было объяснить тогдашними нравами, условностями. А Евгений наш Базаров — он же выше условностей, он же ведет себя *естественно*.

Не берусь утверждать, что он вообще не любит родителей, но вот что не умеет (да и не хочет) отвечать на их любовь — это факт, это сплошь и рядом рассыпано по тексту. Что тому причиной — непомерная ли его гордыня (которую автор то и дело специально подчеркивает), эмоциональная ли глухота — судить не берусь. Но вот что это не надумано, что это бывает — факт. Факт жизни каждого из нас. Мы часто принимаем чужую любовь как нечто естественное, она нас иногда даже несколько напрягает, но ответить своей любовью не можем. Или не умеем. Или не хотим. А потом бывает поздно.

И тогда на могиле вырастает лопух. ♣.

Иллюстрации к роману И. С. Тургенева «Отцы и дети» В. В. Токарева (1955 г.) из фондов Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева

На могиле сына

Ameyus